

ников даром чудотворений или еще при жизни, примеры чего известны, или же, как это было наибольшую частью, по смерти».² Такое обязательное каноническое требование обуславливало необходимость включения в каждое житие эпизодов, повествующих о проявлении святым дара чудотворений. Поэтому рассказы об особой прозорливости святого, о явлении ему божественных видений и каких-то предначертаний свыше, о том, что святой предсказал кому-либо что-то заранее (рождение сына, победу, гибель и т. п.), — обязательный элемент той части жития, которая повествует о жизненном пути святого. Столь же обязателен и традиционен раздел посмертных чудес: после рассказа о жизни и кончине святого следуют эпизоды, повествующие о чудесах, творимых святым после смерти. Элементы чудесного, необычного в рассказе о жизни святого, повествование о чудесах, происходящих после его смерти, — также специфическая черта произведений житийного жанра.

Церковно-служебное назначение житий, тесная связь этого вида древнерусской литературы с другими видами церковно-религиозной письменности определяли еще одну жанровую особенность житий: их риторичность, стремление к отвлеченности, к строгому соблюдению определенной архитектоники житийного текста. Собственно рассказу о жизни святого предшествует вступление. Вступление к житию посвящено обычно рассуждению о необходимости почитания святых, о величии бога; автор во вступлении должен говорить о своей скромности и той ответственности, которую он берет на себя, взявшись за жизнеописание святого. Все это пронизано цитатами из библейских текстов, изобилует эмоциональными восклицаниями и сравнениями. Характер и задачи житийного вступления настолько отвлеченны и общи, что одни и те же образы, целые обороты, большие отрывки, наконец, житийные вступления целиком повторяются в различных житиях. После собственно житийной части, перед разделом посмертных чудес, как правило, читается заключение, похвала святому, иногда эта похвала переносится в самый конец жития — после рассказов о чудесах. Как и вступление, это — ярко риторическое, отвлеченно панегирическое рассуждение на общие церковно-философские темы.

Каноны агиографического жанра вырабатывались постепенно, в ходе многовекового развития этого рода христианской литературы. Они должны были обеспечить наилучшее воплощение в житии основной задачи этого жанра — служить религиозно-назидательным чтением для всех христиан. Поэтому естественно, что с самого возникновения на Руси оригинальных житий агиографы стремились к строгому соблюдению этих канонов, выработанных византийской агиографией. Так, одно из первых оригинальных русских житий, Житие Феодосия Печерского, созданное Нестором, в своей архитектонике, в определенной последовательности развития сюжетной линии, в отборе материала, в целом ряде литературно-риторических приемов полностью отвечает общехристианским агиографическим канонам. Но вместе с тем, с самого начала, наряду с этой тенденцией проявлялась и противоположная ей — проникновение в житийное повествование таких элементов, которые противоречили житийным жанровым канонам, разрушали их. Весьма показательна в этом отношении, как объективный критерий, литературная деятельность знаменитого агиографа древней Руси (XV в.) Пахомия Логофета. Творчество Пахомия преимущественно заключалось в переработке уже существовавших житий. Сравнивая пахомиевские редакции житий с текстами, кото-

² Е. Голубинский. История канонизации святых русской церкви. М., 1903, стр. 40.